

**РУССКАЯ
КРАСАВИЦА**

Читайте исторические любовные романы
Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:

Тайная жена

•

Страстная-опасная

•

Нечаянная свадьба

•

Любовный водевиль

•

Сёстры-соперницы

•

Северная роза

•

Виновница страстей

•

Свет мой ясный

Елена
Арсеньева

Свет мой ясный

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *Е. Анисиной*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Свет мой ясный / Елена Арсеньева. — Москва :
Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104474-9

На своё счастье и беду, отправилась юная травница Алёна в лес купальской ночью. Встретила она таинственного незнакомца и без памяти влюбилась в него, но поутру он исчез... Меньше чем через год выдали Алёну замуж — и такие беды посыпались на буйную головушку красавицы, что обвинение в убийстве супруга — ещё не самая страшная из них... Самая-то лихая вот какая: в своём главном гонителе, царском сыщике Егоре Аржанове, узнала Алёна того самого, купальского, свет свой ясный...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104474-9

© Арсеньева Е.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Многая помощь бесам в женских клюках!
«Слово о женах»

Пролог

...*С*верь внезапно распахнулась, и стены сотряслись от истошного вопля:

— Изменщик! Шуфт гороховый!¹

Фриц вскочил, как зазевавшийся новобранец по команде капрала, и ошалело уставился на сдобную даму в беленьких кудельках, столь пышно и затейливо взбитых, что могли бы соперничать с наимоднейшим париком.

— Катюшхен... — робко проблеял он, однако разгневанная особа вновь завопила, словно желая, чтобы ее анафему было слышно на всех площадях и улицах:

— Катюшхен?! Хрен тебе, а не Катюшхен, чучело заморское! Да гореть бы вам в адовой смоле, грешникам!

И, чтобы проклятие уж точно не миновало проклятых, она для верности ткнула пальцем сначала во Фрица, а потом в его сообщницу, которая

---

¹ Героиня смешивает русское «шут» и немецкое «schuft» — негодяй.

полулежала на канаве и неторопливо приводила в порядок свои смятые одежды.

— Не согрешишь — не покаешься, — ухмыльнулась сообщница, нимало не смущенная, словно попадать в такие ситуации для нее было дело привычное.

— Молчи, ты, оторва! — выверилась «Катюшкен». — Я тебя голую-босую на улице подобрала, приютила, обогрела, а ты... Змею подколотную я на своей груди вскормила! Змеищу!

От жалости к самой себе у нее выступили слезы и покатались по буйно наруганным щекам, а одна даже капнула на грудь.

Лицо Фрица перекошилось от жалости...

— Что это вас, барыня, разобрало? — нагло спросила «змеища». — Сколь мне ведомо, вы уж давненько герра Фрица в покое оставили. Как же не подобрать то, что плохо лежит?

Барыня от такого бесстыдства опять ударилась в крик, поливая «изменщика» и «распутную девку» такими помоями, что Фрицу наконец надоело их хлебать.

— Довольно, Катюшкен! — заговорил он, против обыкновения, очень чисто по-русски — должно быть, от злости. — Мы не супруги, и я не давал тебе поручительства в вечной верности. Твое поведение с этим толстым герром Штаубе меня тоже изрядно возмущает! Я ведь видел, как вчера на балу он уронил тебе в декольте маринированную вишню, а затем бессовестно выуживал ее оттуда пальцами, причем ты не отвесила ему пощечину, а только хихикала.

— Ну так щекотно же, — простодушно улыбнулась Катюшка. — Небось захихикаешь, когда он холодными перстами...

Но тут же спохватилась, что из обвинительницы вот-вот сделается обвиняемой, и снова заголосила:

— Господин Штаубе хоть и толст, да не скуп! В отместку за щекотку он мне меж грудями золотую монетку сунул! А ты каков? Где те шнурованья¹ да сорочки с чулочками, кои ты мне не далее как третьего дни клялся презентовать? А туфли? Туфельки красненькие с каблучками? Сулил, да в посулах по сей день и хаживаю! И еще смеешь мне вчинять упреки? А я что — к дереву привязанная, чтоб их выслушивать? Не стану! Уйду от тебя, постылого! Герр Штаубе домик мне в Китай-городе обещался снять, а что тут у тебя, в такой дали от всех, скуку скучать? Оставайся здесь сам со своею оборванкою! Только знай: все рубы² мои, и юбки, и прочие вещички, и епанчишки³, и шали — я все с собой заберу, а коли не дашь — так ославлю тебя, что и на Кукуй⁴ носа не сунешь: засмеют!

И, не удостоив более взглядом ни бывшего любовника, ни ту, с коей он оказался застигнут на месте преступления, Катюшка круто повернулась

---

¹ Корсеты (*старин.*).

² Платья (*старин.*).

³ Е п а н ч а — длинный и широкий плащ (*старин.*).

⁴ Т. е. в Иноземную слободу, где жили и соотечественники Фрица — немцы.

и поплыла из комнаты. Ее торжественное убытие было несколько смято тем, что ворох юбок, распертых фишбейнами¹, застрял в дверях, и ей пришлось протискиваться бочком. Но вот сие было благополучно осуществлено, и дверь за оскорбленной в своих лучших чувствах дамой захлопнулась.

Фриц фон Принц получил отставку.

По дому еще какое-то время разносилось эхо Катюшкиного негодования, однако собрала она свои пожитки на диво споро: не прошло и получаса, как засвистел, загаркал под окнами кучер, и сытые лошади, громко топая по набитой земле, повлекли возок с Катюшкиным добром и ее саму прочь от грешного любовника — в объятия нового... Новое ведь, известное дело, всегда лучше!

Девка, которая ввела Фрица во грех, задумчиво поглядывала на оторопелого немца.

Уж не исчезнуть ли ей подобру-поздорову? Дело-то сделано, чего еще ждать?

Внезапно Фриц ожил. Подошел к буфету, достал четырехугольную бутылку толстого стекла, глотнул прямо из горлышка раз да еще раз, а потом повернулся к канапе с восклицанием:

— Ну, *fortfahren* там, где *aufhören*!²

И немедленно исполнил сказанное.

---

¹ *Фишбейн* — прообраз будущих фижм: особых каркасов, распирающих женское платье справа и слева, предшественников обручей-кринолинов.

² Продолжать; прекращать (*нем.*).

Глава первая

СПАСЕНА, ДА НЕ ПРОЩЕНА

Алена вылила последнее ведро в бочку и с наслаждением разжала руки. Ох, как же она умаялась! Сперва, вставши далеко затемно, колола дрова — готовить завтрак, потом чистила котлы после него. А пока наполнишь эту бочку, руки отвалятся! Для трапезы воду велено было носить только из ключа под горою, хотя водовозы исправно доставляли бочками обычную, речную. Но сестра Ерогиада, трапезница, была непреклонна: только ключевую! И носить воду предписывалось келейнице Алене. Только ей. Изо дня в день. Не менее двадцати раз спускаясь под крутую гору и вползая на нее, причем с двумя тяжеленными деревянными бадейками, из которых чуть не половина воды просачивалась да выплескивалась. Ноги у Алены всегда были ледяные и мокрые. Спасала летняя теплынь, к тому же, верно, ничто

теперь не охладит ее сильнее того смертного холода, который она непрестанно ощущала те сутки с половиною, пока не спустился с небес светлый ангел и не только душу ее освободил, но и тело избавил от мучительной смерти.

...Страшно вспомнить былое! Даже стража изумлялась, как это мужеубийца, зарытая сутки назад в землю на Красной площади¹, так что только одна голова торчала, все живая да живая. А она сама не знала, как это так случилось, и молила Господа о смерти. Обугленное тело Фролки покачивалось над ней, и несчастная знала, что снимут его, лишь когда она умрет.

Фролку спалила Ульяница: она созвала стражу, она обвинила невестку и ее любовника в отравлении своего брата, беломестца² Никодима Журавлева, и краже его казны, а когда в пыточной избе никто из схваченных не пожелал признаваться в преступлении, Ульяница, воспользовавшись минутным отсутствием палача, подскочила к висящему на дыбе Фролке, извлекла из складок своего мрачного вдовьего одеяния плоскую квадратную бутылку, свинтила пробку и чем-то едким, остро пахнущим щедро облила Фролкину голову, а потом схватила свечку и сунула ее прямо в лицо парня.

---

¹ Обычное в петровское время наказание для преступниц.

² Беломестец — человек, свободный от казенных платежей, в отличие от посадских людей (*старин.*).

Нечеловеческий вопль оглушил Алену, лежащую в углу со связанными руками, вспышка огня ослепила ее. Голова Фролки пылала... Тогда Алена и закричала:

— Да! Да! Я виновна! Убила! Отравила! Да, да! Только оставьте его, оставьте!

Сознание спасло Алену от пыток, но приговорило к мучительной смерти. Оболгав себя, она избавила и Фролку от новых мучений, да не от гибели! Ежели б их судили лишь за прелюбодеяние, то, водя по улицам вместе нагими, били бы кнутом. Но... «Подлежат, яко разбойники, казни смертной!» Полумертвый Фролка был повешен; для него смерть сделалась мгновенным и милосердным избавлением; сообщницу же его зарыли в землю «по титьки с руками вместе» и оставили умирать.

От ужаса, холода и жажды Алена пребывала почти в постоянном беспамятстве, которое развеялось только дважды: первый раз на время, второй — навсегда.

...Вдруг затопали копыта, совсем близко пронеслись кони. Три темные фигуры соскочили с коней, миг сделалось светло как днем от факелов.

— Ну что, Франц? — с усмешкой, раскати-сто проговорил тот, который был выше всех ростом. — Говорил я тебе, что сыщут-таки не нарумяненную, не набеленную бабу? А ты спорил: мол, не отыщется таковой на Московии! Ну как, сыскал?

— Сыскал, что и говорить, — мягким нерусским голосом отозвался человек в огромном желтом парике, который в свете факелов чудился от-

литым из золота. Да и сам обладатель его весь искрился и сиял множеством золотых и серебряных украшений да каменьев, там и сям на него навешанных. Двое других выглядели несравненно скромнее, особенно тот, самый высокий, одетый и вовсе как простой человек, — однако именно перед ним пуще всего тянулись солдаты, именно ему с почтительным лукавством кивал разряженный господин, приговаривая:

— Не спорю, не спорю более, великий государь!

Государь!

В своем полумертвенном оцепенении Алена слегка встрепенулась. Неужто сам царь?..

Она впервые видела его; широкоплечая, непомерно высокая фигура показалась ей устрашающей. Даже и мысли не мелькнуло попросить о милости. За всю жизнь она не слышала о царе доброго слова, тем паче — в доме мужа. «Чертушка», «чертов выкормыш», «обменыш»¹ — что проку просить такого о милости?

Устало опустила веки, чтобы огненные, черные глаза царя не жгли ее.

— Что ж сия молодая дама натворила, Петр Алексеевич? За что ее в землю? — вновь послышался мягкий иноземный выговор, однако ответил ему не раскатистый, рывкающий голос, а еще третий, прежде не слышанный Аленю:

---

¹ Так называют детей, рожденных от леших, или тех, кого нечистая сила подсовывает в колыбели вместо украденных долго не крещенных младенцев.

— Что, что! Известное дело! Сжила со свету муженька — полезай, баба, живьем в могилу. Ее, бедолагу, уже никакие румяна не украсят.

— Суров русский закон! — с некоторым даже испугом протянул иноземец, на что царь отчеканил:

— Время нынче лихое, и шатание великое, и в людях смута. Без суровости никак, верно, Алексашка?

— Да, окаянное наше время... — эхом отозвался названный Алексашкою и вдруг молвил: — Простил бы ты ее, а, мин херц? Ну какая лихость в бабе, сам посуди? Верно, муж ее был до того нравом своеобразный, что бедная с горя ему и пересолила шей!

— Не одна она пересаливала, — сурово отозвался царь. — Вишь вон, висит, качается? Любовник ее. Какое уж тут с горя? По обдуманности!

— Да, — вздохнул Алексашка, — и верно, без обдуманности не обошлось. Ну, тогда... — Он запнулся, перевел дыхание и тихо попросил: — Тогда вели ее хоть пристрелить, что ли? Мыслимое дело — женщину в землю живьем! С предателями да шпионами на войне расправа короче, а она все ж таки баба... сырая плоть! А смерть медленная, мучительная... Освободи ее, мин херц!

— Эй, служивый! — крикнул Петр караульного, верно согласившись с просьбою своего фаворита, однако немец вновь подал голос.

— Скажу вам, ваше величество, не как слабодушный человек, а как боевой генерал, — твердо, сухо произнес он. — Не подобает солдату стре-

лять в женщину, притом осужденную на смерть. Этим он позорит оружие свое, назначение и чин коего — победа над неприятелем достойным.

Петр хмыкнул:

— За что люблю тебя, Франц, так за складные да ладные твои речи. Слышал, Алексашка? Не будем же позорить доброго солдатского ружья и пачкать честных рук в крови. Ну что ж, прости, баба, и прощай. Даст Бог и тебе смертушку. А нам, господа генералы, мешкать тоже не способно. По коням!

— Прости, сестра! — совсем близко, над самым ухом, торопливо прозвучал шепот Алексашки — верно, не погнушался он склониться перед несчастной умирающей. — Прости-прощай, не поминай лихом! Уповай на Бога!

Зазвенели шпоры, затопали кони, и вновь на Алену навалилась тьма.

Ночь... Эту ночь она не переживет.

Верно, она уснула, а может, впала в забытье, только почудилось Алене, будто стоит она в батюшкином дворике и глядит на сарай. На крышу его вечером, при заходе солнца, всегда прилетали журавли. Самец поджимал одну красную лапку и трещал несколько минут своим красным носом.

«Журавли богу молятся, — слышался ласковый батюшкин голос. — Пора ужинать. Собери на стол, Аленушка, да гляди платье не замарай! Больно хорошо на тебе платье!»

Алена опускает глаза — и в изумлении ахает. Не то слово — хорошо на ней платье! Белое, бе-

лоснежное, и так же искрится все, как снег под солнцем морозною порой.

Откуда оно? Отродясь у Алены этакой красоты не было! И мыслимо ли дело войти в этом ослепительном одеянии в их чумазую летнюю кухоньку? Надо поскорей снять платье, переодеться. Алена пытается отыскать пуговики или иные какие застежки, но пальцы не слушаются.

«Не снимешь его! — злорадно хохочет взявшаяся откуда-то Ульяница. — Это саван. Тебя в нем на жальник-то¹ и сволокут!» — «Нет, не саван, — твердо говорит отец. — Надевать на себя во сне что-то белое — это знак, предвещающий освобождение от ложного обвинения, оправдание оклеветанной невинности!»

«Сон! Так это сон! Я еще жива!»

Алена открыла глаза — и тут же сильно зажмурилась, надеясь вновь услышать голос отца, но совсем другие звучали теперь над ее головой. Один принадлежал караульному, другой голос был женский, и до того мягкий, ласковый, что онемелые губы казнимой чуть заметно дрогнули в блаженной улыбке.

— Да неужто за нее никто и словечка не замолвил?!

— Не замолвил, матушка. Не было за нее ничего упросу — только наветы и оговоры.

— А ведь она спасала свою жизнь...

— Вам-то, матушка, сие почем знать?

---

¹ Общая могила при дороге для преступников и бродяг (старин.).